

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 34

ПРОИЗВЕДЕНИЯ
1900–1903 гг.

LI 67

Л. Н. Т О Л С Т О Й

П О Л Н О Е С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Т О М

34

ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА — 1952

ОТВЕТ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНОДА ОТ 20—22 ФЕВРАЛЯ
И НА ПОЛУЧЕННЫЕ МНОЮ ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ
ПИСЬМА

He who begins by loving Christianity
better than Truth will proceed by loving
his own Sect or Church better than Chri-
stianity, and end in loving himself better
than all.

Coleridge.¹

Я не хотел сначала отвечать на постановление обо мне си-¹⁰
нода, но постановление это вызвало очень много писем, в кото-
рых неизвестные мне корреспонденты — одни бранят меня за
то, что я отвергаю то, чего я не отвергаю, другие увещевают
меня поверить в то, во что я не переставал верить, третьи выра-
жают со мной единомыслие, которое едва ли в действитель-
ности существует, и сочувствие, на которое я едва ли имею
право; и я решил ответить и на самое постановление, указав
на то, что в нем несправедливо, и на обращения ко мне моих
неизвестных корреспондентов.

Постановление синода вообще имеет много недостатков.²⁰
Оно незаконно или умышленно двусмысленно; оно произволь-
но, неосновательно, неправдиво и, кроме того, содержит в себе
клевету и подстрекательство к дурным чувствам и поступкам.

Оно незаконно или умышленно двусмысленно — потому,
что если оно хочет быть отлучением от церкви, то оно не удо-
влетворяет тем церковным правилам, по которым может произ-
носиться такое отлучение; если же это есть заявление о том,
что тот, кто не верит в церковь и ее догматы, не принадлежит

¹ Перевод см. в тексте статьи, стр. 252.

к ней, то это само собой разумеется, и такое заявление не может иметь никакой другой цели, как только ту, чтобы, не будучи в сущности отлучением, оно бы казалось таковым, что собственно и случилось, потому что оно так и было понято.

Оно произвольно, потому что обвиняет одного меня в неверии во все пункты, выписанные в постановлении, тогда как не только многие, но почти все образованные люди в России разделяют такое неверие и беспрестанно выражали и выражают его и в разговорах, и в чтении, и в брошюрах и книгах.

¹⁰ Оно неосновательно, потому что главным поводом своего появления выставляет большое распространение моего соображающего людей лжеучения, тогда как мне хорошо известно, что людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня, и распространение моих писаний о религии, благодаря цензуре, так ничтожно, что большинство людей, прочитавших постановления синода, не имеют ни малейшего понятия о том, что мною писано о религии, как это видно из получаемых мною писем.

Оно содержит в себе явную неправду, утверждая, что со стороны церкви были сделаны относительно меня не увенчав-
²⁰ шиеся успехом попытки вразумления, тогда как ничего подобного никогда не было.

Оно представляет из себя то, что на юридическом языке называется клеветой, так как в нем заключаются заведомо несправедливые и клонящиеся к моему вреду утверждения.

Оно есть, наконец, подстрекательство к дурным чувствам и поступкам, так как вызвало, как и должно было ожидать, в людях непросвещенных и нерассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах. «Теперь ты предан анафеме и
³⁰ пойдешь по смерти в вечное мучение и издохнешь как собака... анафема ты, старый чорт... проклят будь», пишет один. Другой делает упреки правительству за то, что я не заключен еще в монастырь, и наполняет письмо ругательствами. Третий пишет: «Если правительство не уберет тебя, — мы сами заставим тебя замолчать»; письмо кончается проклятиями. «Чтобы уничтожить прохвоста тебя, — пишет четвертый, — у меня найдутся средства...» Следуют неприличные ругательства. Признаки такого же озлобления после постановления синода я замечаю и при встречах с некоторыми людьми. В самый же день 25 фев-
⁴⁰ раля, когда было опубликовано постановление, я, проходя по

площади, слышал обращенные ко мне слова: «Вот дьявол в образе человека», и если бы толпа была иначе составлена, очень может быть, что меня бы избili, как избili, несколько лет тому назад, человека у Пантелеймоновской часовни.

Так что постановление синода вообще очень нехорошо; то, что в конце постановления сказано, что лица, подписавшие его, молятся, чтобы я стал таким же, как они, не делает его лучше.

Это так вообще, в частности же постановление это несправедливо в следующем. В постановлении сказано: «Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на господа и на Христа его и на святое его достояние, явно перед всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его матери, церкви православной».

То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я от нее не потому, что я восстал на господа, а напротив, только потому, что всеми силами души желал служить ему. Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое мне было невыразимо дорого, я, по некоторым признакам усумнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически — я перечитал всё, что мог, об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически же — строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и посещая все церковные службы. И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения.¹

¹ Стоит только почитать требник и проследить за теми обрядами, которые не переставая совершаются православным духовенством и считаются христианским богослужением, чтобы увидеть, что все эти обряды не что иное, как различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям жизни. Для того, чтобы ребенок, если умрет, пошел в рай, нужно успеть помазать его маслом и выкупать с произнесением известных слов; для того, чтобы родильница перестала быть нечистою, нужно произнести известные заклинания; чтобы был успех в деле или спокойное житье в новом доме, для того, чтобы хорошо родился хлеб, прекратилась засуха, для того, чтобы путешествие было благополучно, для того, чтобы излечиться от болезни, для того, чтобы облегчилось положение умершего на том свете, для всего этого и тысячи других обстоятельств есть известные заклинания, которые в известном месте и за известные приношения произносит священник.

И я действительно отрекся от церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей, и мертвое мое тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым.

То же, что сказано, что я «посвятил свою литературную деятельность и данный мне от бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и церкви» и т. д., и что
10 «я в своих сочинениях и письмах, во множестве рассеваемых мною так же, как и учениками моими, по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, проповедую с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов православной церкви и самой сущности веры христианской», — то это несправедливо. Я никогда не заботился о распространении своего учения. Правда, я сам для себя выразил в сочинениях свое понимание учения Христа и не скрывал эти сочинения от людей, желавших с ними познакомиться, но никогда сам не печатал их; говорил же людям о том, как я понимаю учение
20 Христа, только тогда, когда меня об этом спрашивали. Таким людям я говорил то, что думаю, и давал, если они у меня были, мои книги.

Потом сказано, что я «отвергаю бога, во святой троице славимого создателя и промыслителя вселенной, отрицаю господу Иисуса Христа, богочеловека, искупителя и спасителя мира, пострадавшего нас ради человек и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицаю бессеменное зачатие по человечеству Христа господу и девство до рождества и по рождестве пречистой богородицы». То, что я отвергаю непонятную троицу
30 и не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кошунственную историю о боге, родившемся от девы, искупающем род человеческий, то это совершенно справедливо. Бога же — духа, бога — любовь, единого бога — начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли бога, выраженной в христианском учении.

Еще сказано: «не признает загробной жизни и мздовоздаяния». Если разумеет жизнь загробную в смысле второго при-
40 шествия, ада с вечными мучениями, дьяволами, и рая — по-

стоянного блаженства, то совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни; но жизнь вечную и возмездие здесь и везде, теперь и всегда, признаю до такой степени, что, стоя по своим годам на краю гроба, часто должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, то есть рождения к новой жизни, и верю, что всякий добрый поступок увеличивает истинное благо моей вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его.

Сказано также, что я отвергаю все таинства. Это совершенно справедливо. Все таинства я считаю низменным, грубым, не-10 соответствующим понятию о боге и христианскому учению колдовством и, кроме того, нарушением самых прямых указаний евангелия. В крещении младенцев вижу явное извращение всего того смысла, который могло иметь крещение для взрослых, сознательно принимающих христианство; в совершении таинства брака над людьми, заведомо соединявшимися прежде, и в допущении разводов и в освящении браков разведенных вижу прямое нарушение и смысла, и буквы евангельского учения. В периодическом прощении грехов на исповеди вижу вредный обман, только поощряющий безнравственность и уничто-20 жающий опасение перед согрешением.

В елеосвящении так же, как и в миропомазании, вижу приемы грубого колдовства, как и в почитании икон и мощей, как и во всех тех обрядах, молитвах, заклинаниях, которыми наполнен требник. В причащении вижу обоготворение плоти и извращение христианского учения. В священстве, кроме явного приготовления к обману, вижу прямое нарушение слов Христа, — прямо запрещающего кого бы то ни было называть учителями, отцами, наставниками (Мф. XXIII, 8—10).

Сказано, наконец, как последняя и высшая степень моей 30 виновности, что я, «ругаясь над самыми священными предметами веры, не содрогнулся подвергнуть глумлению священнейшее из таинств — евхаристию». То, что я не содрогнулся описать просто и объективно то, что священник делает для приготовления этого, так называемого, таинства, то это совершенно справедливо; но то, что это, так называемое, таинство есть нечто священное и что описать его просто, как оно делается, есть кощунство, — это совершенно несправедливо. Кощунство не в том, чтобы назвать перегородку — перегородкой, а не иконостасом, и чашку — чашкой, а не потиром и т. п., а ужаснейшее, 410

не перестающее, возмутительное кощунство — в том, что люди, пользуясь всеми возможными средствами обмана и гипнотизации, — уверяют детей и простодушный народ, что если нарезать известным способом и при произнесении известных слов кусочки хлеба и положить их в вино, то в кусочки эти входит бог; и что тот, во имя кого живого вынется кусочек, тот будет здоров; во имя же кого умершего вынется такой кусочек, то тому на том свете будет лучше; и что тот, кто съест этот кусочек, в того войдет сам бог.

10 Ведь это ужасно!

Как бы кто ни понимал личность Христа, то учение его, которое уничтожает зло мира и так просто, легко, несомненно дает благо людям, если только они не будут извращать его, это учение всё скрыто, всё переделано в грубое колдовство купанья, мазания маслом, телодвижений, заклинаний, проглатывания кусочков и т. п., так что от учения ничего не остается. И если когда какой человек попытается напомнить людям то, что не в этих волхвованиях, не в молебнах, обеднях, свечах, иконах— учение Христа, а в том, чтобы люди любили друг друга, не
20 платили злом за зло, не судили, не убивали друг друга, то поднимется стон негодования тех, которым выгодны эти обманы, и люди эти во всеуслышание, с непостижимой дерзостью говорят в церквях, печатают в книгах, газетах, катехизисах, что Христос никогда не запрещал клятву (присягу), никогда не запрещал убийство (казни, войны), что учение о непротавлении злу с сатанинской хитростью выдуманно врагами Христа. ¹

Ужасно, главное, то, что люди, которым это выгодно, обманывают не только взрослых, но, имея на то власть, и детей,
30 тех самых, про которых Христос говорил, что горе тому, кто их обманет. Ужасно то, что люди эти для своих маленьких выгод делают такое ужасное зло, скрывая от людей истину, открытую Христом и дающую им благо, которое не уравновешивается и в тысячной доле получаемой ими от того выгодой. Они поступают, как тот разбойник, который убивает целую семью, 5—6 человек, чтобы унести старую поддевку и 40 коп. денег. Ему охотно отдали бы всю одежду и все деньги, только бы он не убивал их. Но он не может поступить иначе. То же и

¹ Речь Амвросия, епископа харьковского.

с религиозными обманщиками. Можно бы согласиться в 10 раз лучше, в величайшей роскоши содержать их, только бы они не губили людей своим обманом. Но они не могут поступать иначе. Вот это-то и ужасно. И потому обличать их обманы не только можно, но должно. Если есть что священное, то никак уже не то, что они называют таинством, а именно эта обязанность обличать их религиозный обман, когда видишь его.

Если чувашин мажет своего идола сметаной или сечет его, я могу равнодушно пройти мимо, потому что то, что он 10 делает, он делает во имя чуждого мне своего суеверия и не касается того, что для меня священно; но когда люди, как бы много их ни было, как бы старо ни было их суеверие и как бы могущественны они ни были, во имя того бога, которым я живу, и того учения Христа, которое дало жизнь мне и может дать ее всем людям, проповедуют грубое колдовство, я не могу этого видеть спокойно. И если я называю по имени то, что они делают, то я делаю только то, что должен, чего не могу не делать, если я верую в бога и христианское учение. Если же они вместо того, чтобы ужаснуться на свое кощунство, называют 20 кощунством обличение их обмана, то это только доказывает силу их обмана и должно только увеличивать усилия людей, верующих в бога и в учение Христа, для того, чтобы уничтожить этот обман, скрывающий от людей истинного бога.

Про Христа, выгнавшего из храма быков, овец и продавцов, должны были говорить, что он кощунствует. Если бы он пришел теперь и увидал то, что делается его именем в церкви, то еще с большим и более законным гневом наверно повыкидал бы все эти ужасные антимины, и копыя, и кресты, и чаши, и свечи, 30 и иконы, и всё то, посредством чего они, колдуя, скрывают от людей бога и его учение.

Так вот что справедливо и что несправедливо в постановлении обо мне синода. Я действительно не верю в то, во что они говорят, что верят. Но я верю во многое, во что они хотят уверить людей, что я не верю.

Верю я в следующее: верю в бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что он во мне и я в нем. Верю в то, что воля бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать богом 40

и которому молиться считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека — в исполнении воли бога, воля же его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в евангелии, что в этом весь закон и пророки. Верю в то, что смысл жизни каждого отдельного человека поэтому только в увеличении в себе любви; что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко всё большему и большему благу, дает после смерти тем большее
10 благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем и более всего другого содействует установлению в мире царства божия, то есть такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собою. Верю, что для преуспевания в любви есть только одно средство: молитва, — не молитва общественная в храмах, прямо запрещенная Христом (Мф. VI, 5—13), а молитва, образец которой дан нам Христом, — уединенная, состоящая в восстановлении и укреплении в своем соз-
20 нании смысла своей жизни и своей зависимости только от воли бога.

Оскорбляют, огорчают или соблазняют кого-либо, мешают чему-нибудь и кому-нибудь или не нравятся эти мои верования, — я так же мало могу их изменить, как свое тело. Мне надо самому одному жить, самому одному и умереть (и очень скоро), и потому я не могу никак иначе верить, как так, как верю, готовясь идти к тому богу, от которого исшел. Я не говорю, чтобы моя вера была одна несомненно на все времена истинна, но я не вижу другой — более простой, ясной и отвечающей всем требованиям моего ума и сердца; если я узнаю
30 такую, я сейчас же приму ее, потому что богу ничего, кроме истины, не нужно. Вернуться же к тому, от чего я с такими страданиями только что вышел, я уже никак не могу, как не может летающая птица войти в скорлупу того яйца, из которого она вышла.

«Тот, кто начнет с того, что полюбит христианство более истины, очень скоро полюбит свою церковь или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (свое спокойствие) больше всего на свете», сказал Коль-
40 ридж.

Я шел обратным путем. Я начал с того, что полюбил свою православную веру более своего спокойствия, потом полюбил христианство более своей церкви, теперь же люблю истину более всего на свете. И до сих пор истина совпадает для меня с христианством, как я его понимаю. И я исповедую это христианство; и в той мере, в какой исповедую его, спокойно и радостно живу и спокойно и радостно приближаюсь к смерти.

4 апреля 1901.

Москва.

КОММЕНТАРИИ

**«ОТВЕТ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ СИНОДА
ОТ 20—22 ФЕВРАЛЯ И НА ПОЛУЧЕННЫЕ МНОЮ
ПО ЭТОМУ СЛУЧАЮ ПИСЬМА»**

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ И ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Отлучение Толстого от церкви было задумано царским правительством еще в 1880-х гг. Толчком к опубликованному отлучению послужило появление в 1899 г. романа «Воскресение», в котором Толстой разоблачил лицемерие казенной церкви и создал сатирический образ Топорова, недвусмысленно намекавший на обер-прокурора «святейшего» синода К. П. Победоносцева.

24 февраля 1901 г. в «Церковных ведомостях при святейшем правительствующем синоде», а затем и в общей печати («Русские ведомости», «Новое время» и др.) было опубликовано «Определение святейшего синода от 20—22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам православные греко-российские церкви о графе Льве Толстом». Это определение, составленное Победоносцевым, было проредактировано митрополитом петербургским и ладожским Антонием и другими членами синода и одобрено Николаем II.

В. И. Ленин в своей статье «Л. Н. Толстой», написанной в 1910 г. по случаю смерти великого писателя писал об его отлучении: «Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки» (Сочинения, т. 16, стр. 296).

Отлучение вызвало много самых разнообразных, но главным образом сочувственных, писем к Толстому. Эти письма послужили толчком к написанию «Ответа», который вчерне был готов 24 марта.

В переписанную 26 марта копию Толстой внес дополнительные разъяснения о характере получаемых им писем и о постановлении синода, а в трех следующих копиях — 29, 30 и, вероятно, 31 марта — добавил новые исправления и дополнения. 30 марта он писал В. Г. Черткову: «Письма ко мне увещательные от лиц, считавших меня безбожником, вы-

звали меня к тому, чтобы написать ответ на постановление Синода. Эти дни писал, — кажется, кончил» (т. 88).

Работу над «Ответом» Толстой отмечает в Дневнике 28 и 31 марта (т. 54, стр. 93 и 94), однако окончен он был лишь 4 апреля.

4 апреля Толстой в письме к Черткову сообщал: «Нынче кончил ответ Синоду и лицам, писавшим мне по этому случаю. Я этим более доволен, чем Царю и его помощникам». Завтра надеюсь выслать вам» (т. 88). 9 апреля П. А. Буланже послал «Ответ Синоду» Черткову для издания.

Редакция петербургского церковного журнала «Миссионерское обозрение», желая, в целях рекламы для увеличения подписки, напечатать «Ответ на определение Синода», 20 мая 1901 г. обратилась к Толстому с телеграммой: «Желательно убедиться, действительно ли писали вы, Лев Николаевич, ответ на постановление св. синода об отлучении вас от церкви, помеченный 4 апреля. Почитатели опасаются, не подвох ли это клерикалов или услужливых друзей». На другой день по получении этой телеграммы, 21 мая, Толстой писал Черткову: «Признаюсь, желал бы очень, чтобы они напечатали мой ответ» (т. 88). Толстой ответил редакции телеграммой 23 мая: «Ответ написан мною. Жалею, не мог напечатать» (см. «Миссионерское обозрение», 1901, 6, стр. 800).

Статья Толстого была напечатана, с пропуском (около ста строк) наиболее резких мест, в «Миссионерском обозрении» (1901, 6, стр. 806—814) и перепечатана в книге «По поводу отпадения от православной церкви графа Льва Николаевича Толстого» (сборник статей «Миссионерского обозрения», изд. В. М. Скворцова, СПб. 1901). Дальнейшая перепечатка статьи была запрещена духовной цензурой.

Полностью «Ответ на определение Синода» был напечатан Чертковым в «Листках Свободного слова» (1901, № 22) и перепечатан рядом других зарубежных издательств. В России полностью «Ответ» впервые появился в книге Андреевича «Л. Н. Толстой» (монография, изд. А. Е. Беляева, СПб. 1905, стр. 229—234). В 1906 г. статья вышла отдельной брошюрой в издательстве «Обновление». В 1911 г. «Ответ на определение Синода» был включен в 20-ю часть двенадцатого издания «Сочинений Л. Н. Толстого», выпускавшегося С. А. Толстой. По постановлению Московской судебной палаты 19 апреля 1911 г. статья в числе тридцати других была вырезана из книги.

В 1917 г. статья появилась в четырех различных изданиях.

Общее количество рукописного материала, относящегося к статье, исчисляется в 142 листа разного формата. Рукописи расположены хронологически под №№ 1—9. Рукопись № 1 — автограф, № 9 — машинопись, остальные — рукописные копии с поправками Толстого.

Заглавия проставлены Толстым в следующих рукописях: № 1 — «Моим скрывающим свое имя корреспондентам обвинителям»; № 5 — «Ответ моим корреспондентам» (в этой рукописи зачеркнуты заглавия: «Ответ некоторым из лиц, писавших ко мне по случаю постановления обо мне Синода», «Ответ на постановление Синода 20—22 февраля», «Ответ Синоду»); № 7 — «Ответ на постановление Синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма».

Даты Толстого имеются в рукописях № 1 — «24 марта»; № 4 — «30 марта»; № 6 — «1 апреля. Москва»; № 8 — «4 апреля 1901. Москва». На обложке рукописей пометки переписчика: № 2 — «Вторая версия 26-го марта 1901 г.»; № 3 — «Третья версия 29 марта 1901 г. Москва»; № 6 — «Пятая версия 1 апреля 1901».

Рукописи №№ 1, 4, 6 и 8 подписаны Толстым.

В настоящем издании статья печатается по тексту издания «Свободного слова», с исправлениями по рукописи № 9. Ошибки переписчиков исправляются по автографам.